

Дмитрий ЛИХАЧЕВ-литературовед: КЛАССИК И НОВАТОР

Страна отмечает День славянской письменности и Год русского языка. В Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов сегодня открываются VII Международные Лихачевские научные чтения. По традиции соберутся выдающиеся мыслители из десятков стран мира. Разумеется, речь пойдет и о научном наследии Дмитрия Сергеевича. В числе докладчиков — профессор Александр ЗАПЕСОЦКИЙ, автор ряда книг и более 50 статей об академике. В издательстве «Наука» выходит его новая книга «Культурология Дмитрия Лихачева». Мы публикуем фрагменты этой работы.

То, что Дмитрий Сергеевич — выдающийся литературовед, общеизвестно. Но в чем состоит принципиальное новаторство Лихачева?

То, что академический ученый написал много хороших книг, само по себе не может быть основанием для придания ему статуса «знаковой фигуры». И во времена Архимеда, и во времена Ньютона, и во времена Менделеева их коллеги тоже писали много и хорошо, но у Архимеда, в отличие от прочих, была еще и его «ванна», у Ньютона — «яблоко», у Менделеева — «таблица». В научном мире Гений тем и отличается от таланта, что за первым стоит некая кульминация его творческих усилий, локализованная во времени и пространстве в ослепительно яркий миг взлета, прорыва, тогда как для талантов существует лишь много частных, скромных успехов на всем протяжении их жизненного пути. Поэтому-то подавляющее большинство ученых остается в истории науки длинным «списком научных трудов», и только единицы входят в эту историю с кратким, предельно ясным и понятным даже непосвященным девизом, подобным рыцарскому боевому кличу легендарных героев минувших времен. Есть ли подобный девиз у Лихачева-литературоведа? Есть. И этот девиз — «текстология».

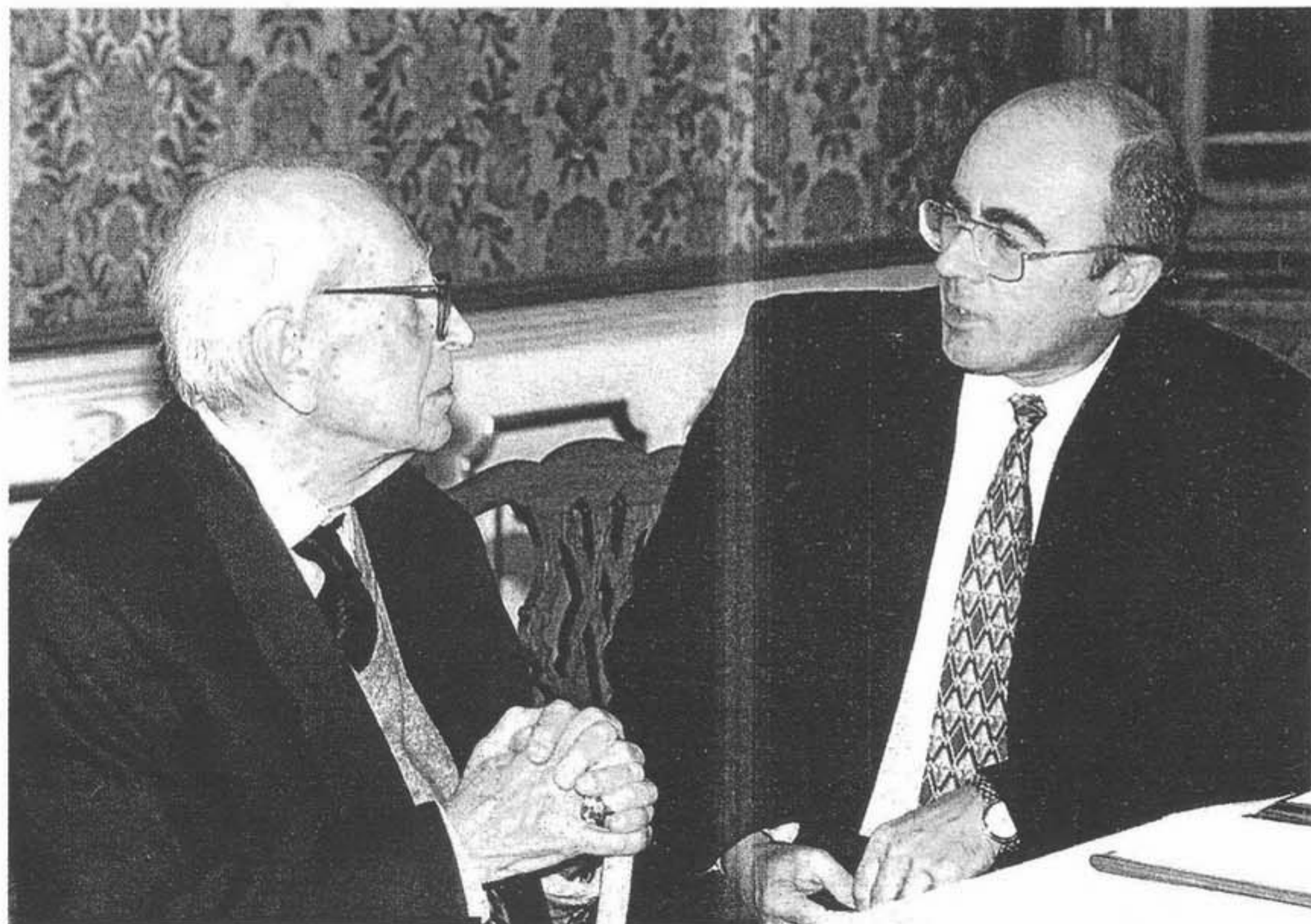
Как это нередко бывает в научной работе, главное открытие Лихачева-литературоведа начиналось с вопросов достаточно частных и как будто далеких от сияющих вершин «высокой науки»: «древникам» лихачевского сектора нужно было окончательно определиться с принципами публикаций русских средневековых памятников. Дело в том, что книги до изобретения Гутенбергом печатного станка, как легко понять, создавались переписчиками, а рукописные копии, в отличие от печатных, имеют индивидуальные ошибки, пропуски, искажения и дополнения. В результате текст одного и того же произведения, содержащийся в разных дошедших до нас рукописных трудах, существовал в нескольких, подчас значительно отличающихся друг от друга текстовых версиях. Естественно, вставал вопрос: какую из этих версий публиковать? Очевидно, что таковой должна была быть авторская версия, но как ее установить?

Проблема эта возникла задолго до Лихачева, и не в литературоведении, а в богословии, поскольку в рукописных списках первоначаль-

но существовало и Священное Писание. Первыми текстологами были ученые «толковники», стремившиеся установить библейский канонический текст. С этой же трудностью столкнулись и литературоведы, занимающиеся исследованием светской литературы Средневековья. И столетие за столетие исходный, канонический текст определяли путем механического сличения рукописей, составляя так называемые стеммы — схематические цепочки вариантов текста, объединенных общими ошибками или общими сходными фрагментами. На основании разных комбинаций ошибок или комбинаций сходных мест в разных версиях текста выстраивалась иерархия, которая в теории должна была выявить «безошибочный» вариант, считавшийся исходным. Разумеется, такая «механика» в работе вела ко всевозможным противоречиям и нестыковкам, которые до Лихачева полагались неизбежным злом.

Открытие, совершенное Лихачевым, как и любой гениальный прорыв в науке, поражает своей простотой и, главное, нестандартностью в подходе к решению проблемы. Вместо того чтобы бесконечно перетасовывать и комбинировать тексты, выявляя в них все новые особенности, он предложил своим коллегам обратить внимание на то, как и при каких условиях эти особенности могли в текстах появиться. Другими словами, Лихачев впервые в мировой медиевистике (изучении средних веков) сосредоточил внимание не на книге как таковой, а на человеке, пишущем книгу. «Нет текста вне его создателей, как и нет литературы вне писателей», — утверждал Д. С. Лихачев. — Чтобы восстановить историю текста того или иного произведения, надо вообразить за ним древнерусского книжника, надо знать, как работал древнерусский книжник, проникнуть в его психологию, знать его цели, идеологические устремления, знать «механизм» ошибок. Надо вообразить себе за текстом и за его изменениями человека, который этот текст создал, вносил в него вольные или невольные изменения. Текстология имеет дело прежде всего с человеком, стоящим за текстом».

На смену «арифметическому» исследованию текста пришло изучение смысла. Именно это — ге-

Лихачев впервые сосредоточил внимание не на книге как таковой, а на человеке, пишущем книгу.

Дмитрий Лихачев не раз обсуждал с Александром Запесоцким вопросы культуры и истории.

ниально. Все гениальное — просто. Канту было нужно всего-то предположить, что пространство и время не существуют в реальности, а являются категориями человеческого мировосприятия, — и произошел переворот в философии. Лобачевскому было нужно всего-то представить, что идеальной евклидовой плоскости, в которой могут быть проложены параллельные линии, в природе нет, — и были «потрясены» все предшествующие представления о геометрии. Лихачеву всего-то и надо было подчеркнуть, что понятие истории создания текста — это и значит понять текст, — и многие существовавшие до этого момента взгляды на цели и задачи изучения литературы летописного периода стали архаикой.

Действительно, до лихачевской «Текстологии» литературоведы изучали либо текст, либо писателя, так сказать, отдельно друг от друга. В первом случае текст толковался (такой метод называется герменевтическим), то есть литературовед приписывал тексту некоторое значение, основываясь на своем понимании его знаковых особенностей (а большей частью — по произволению своему). Во втором случае литературовед изучал биографические документы, позволяющие сформулировать «взгляды писателя», и видел в его произведениях «биографические свидетельства».

И только Лихачев первым попытался связать два эти начала, представить себе, как конкретная личность проявляет себя в процессе создания конкретного текста. Читать без волнения те страницы «Текстологии», где фикси-

руется этот «момент истины», невозможно: «Заглянем через плечо древнерусского книжника, — предлагает Д. С. Лихачев. — Он сидит на «стульце», положив рукопись на колени. Рядом с ним на низком небольшом столике письменные принадлежности: чернильница и кинноварница, маленький ножик для подчистки неправильно написанных мест и чинки перьев, песочница, чтобы присыпать песком непросохшие чернила. Он пишет не в переплетенной книге, а в отдельных тетрадах, то есть согнутых в два, в четыре раза листах пергамента или бумаги, которые только потом переплетаются в книгу...» В психологии это называют эмпатией — умением представить себя на месте другого человека.

«История текста, — пишет Лихачев, формулируя свое понимание текстологии, — стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста явилась в известной мере историей их создателей...» Поэтому, чтобы восстановить историю текста памятников, текстолог обязан быть и литературоведом, и языковедом, и историком общественной мысли, а часто и историком искусства. На всем пути истории текста стоят люди — с их интересами, воззрениями, представлениями, вкусами, слабыми и сильными сторонами, навыками письма и чтения, особенностями памяти, общего развития, образования. Из этих людей наиболее важен автор, но значение имеют и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, также оказывающие влияние на судьбу текста, а за этими

людьми стоят, в свою очередь, люди и люди: все общество оказывает свое заметное и незаметное влияние на судьбу текста.

Понимание истории текста как ключа к его содержанию («не в слове — дело, а — почему слово говорится» — от цитирования горьковского Луки здесь удержаться сложно) вывело концепцию Лихачева не только за рамки медиевистики, но и за границы собственно литературоведения. Отталкиваясь от локальных проблем изучения древнерусских рукописей, Лихачев шел к основам семиотики — науки о знаковых системах, имеющей в современном научном мире универсальный характер. Это и стало решающим в его облике литературоведа-новатора.

Разумеется, Лихачев и русский язык — тема широкая и захватывающая. Наряду с текстологической концепцией в ней есть ярчайшая теория взаимосвязи языка и культуры — со своей вершиной в виде понятия «концептосферы», есть идеи о «хронотипе» (древнерусские книжники понимали время по-иному, нежели мы сейчас). А еще заслуга Дмитрия Сергеевича — в виртуозном развитии метода реконструкции, когда утраты части текста восстанавливаются по крупицам косвенных свидетельств, когда понимание каждого слова, буквы проверяется выстраиванием своего рода параллельных рядов в живописи, музыке, зодчестве, фактах археологических находок и т. д. Благодаря лихачевскому наследию литература далеких времен оживает в мире других явлений культуры, обретает полноценный смысл в целостной и неразрывной культурной ткани. Понимая прошлое, мы лучше осознаем настоящее и видим будущее.